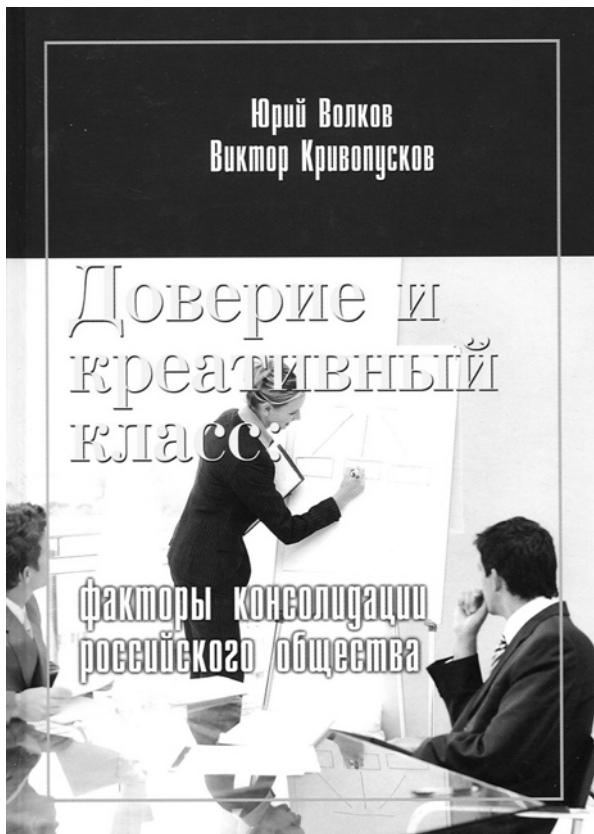

Моральная деградация и духовное оздоровление или несколько слов о новой книге
«Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества»

Волков Ю. и Кривоусков В., *Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Научное издание. Ер.: Тигран Мец, 2013. – 247 с.*

В Ереване вышла в свет весьма примечательная книга *«Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества»*, написанная кандидатом философских наук Виктором Владимировичем **Кривоусковым** в соавторстве с доктором философских наук Юрием Григорьевичем **Волковым**.

«Моральная деградация российского общества уже стала очевидностью, и со всей необходимостью требует не только осознания этой проблемы, но и скорейшего принятия мер в области духовного оздоровления россиян». Эта фраза взята нами из заключительной части книги, которую хотелось бы представить читателю в Армении. На наш взгляд, затронутая проблема в не меньшей степени (если не в большей) касается нашего общества и видимо далеко не случайно, что книга, о которой идет речь, издана в этом году у нас в Ереване.

Что может быть общего между сильно различающимися в своих количественно-качественных характеристиках двух обществах – с одной стороны полиэтнично и поликонфессионального, с

другой стороны - мононационально и моноконфессионального.

В обоих обществах происходит навязывание, внедрение, индокринация в общественное сознание псевдокультурных схем с целью манипулирования, формирования общественного “плебса” как массы, лишенной каких-либо творческих интенций. Показательной и презентативной можно считать позицию представителей как российских, так и армянских СМИ, что их ориентированность на назкопробные образцы, на криминал, сериалы и “мыльные оперы” является вынужденным выбором в условиях массового запроса.

В обоих обществах, у населения в принципе нет возможности для творческого выражения, при этом имеется ввиду то, что жанр шоу, пришедший с запада и процветающий ныне на телевидении, является перформансом, в котором есть только-лишь исполнители, социальные статисты и все. Именно благодаря таким “народным передачам” создается впечатление, псевдоиллюзия, озабоченности здоровьем и жизнью доморощенных и ничего из себя не представляющих так называемых “звезд”, озабоченности обустройства жизни “на Кипре или на Канарах”, озабоченности давно поблекшей и минувшей резонансный пик “сексуальной революции” и “эмансипации” и т.д. и т.п.

Кстати говоря, авторы книги сами, будучи философами, весьма уместно вспоминают слова французского философа, социолога и культуролога Жана Бодрийера, который едко заметил, что *“маску творцов одевают те, кому в принципе нечего сказать и для кого творчество является ненужной, непостижимой вещью”*.

Совершенно очевидно, что никто из деятелей массовой культуры и близко не дотягивает до уровня общественного авторитета и креативного поведения. Мы имеем дело с *симулакрами* – “копиями”, не имеющими оригинала в реальности, проектами всего лишь имитирующими культуру, без всяких оснований личностного или общественного характера.

Тема, поднимаемая авторами, имеет достаточно глубокий смысл, если представить, что большинство населения утратило базисные представления о добре и зле, о должном и недолжном. Что делать? Авторы в качестве приме-

ра, апеллируют к опыту модернизации в Китае, где приоритетной стала конфуцианская традиция с учетом того, что нельзя упускать из вида существенные культурные различия, а в стремлении к позитивному заимствованию, определить, какие ценности являются востребованными и в перспективе общезначимыми в обществе.

В качестве решения вопроса, авторы, не без основания, выделяют два основных понятия как факторы консолидации российского общества – **понятие доверия** как социологического феномена и **понятие креативного класса** в обществе.

В первой главе, авторы, рассматривая **понятие доверия**, обращаются к истории концептуализации понятия, указывают на то, что в науке возникло порядка 70 дефиниций, так и не сложившихся в единое понимание того, что же представляет собой доверие и на какое из них следует ориентироваться. Из наиболее значимых, сформировавшихся в лоне зарубежного и российского социологического знания, авторы выделяют два доминирующих подхода к интерпретации феномена доверия.

Согласно первому, доверие – продукт традиционного общества, основанный на принципе безусловной веры, т.е. чувстве уверенности в другом и в его действиях. Согласно второму, доверие – продукт рациональный, основанный на определенном расчете, а не на чувстве, как в первом случае. Авторы совершенно справедливо считают, что выделенные два типа доверия, основанные на иррациональном чувстве веры и рациональном выборе, сосуществуют в современном обществе, высокая степень неопределенности и рискогенности которого формируют острую потребность в доверии, как мощном интегрирующем механизме, обладающим потенциалом кооперации и консолидации.

Сегодня большинство государств мира стремится к интеграции и реинтеграции в современное “мировое пространство”, в котором законодателями мод являются **западные** технократические страны. В “мировое пространство”, в котором, между прочим, властвует жесткая иерархия, социальное неравенство и высокий уровень недоверия. В “мировое пространство”, в котором действующая тенденция стирания классовых различий и становление новых социокультурных различий измеряют веками, а на **востоке** тысячелетиями, существующую формулу превосходства духовного над материальным. Несмотря на очевидный технологический и интеллектуальный прогресс происходит исключение человека из общества, т.е. нарастающая в современ-

ном обществе социальная эксклюзия, переходящая в ежедневное выживание, ведет к еще большему опусканию на социальное дно. Как плата за недоиспользование человеческих ресурсов развивается теневая занятость и как следствие, теневая экономика. На взгляд авторов, масштаб цены которую платит человек, есть следствие жесткости взглядов на общественную жизнь, представление общества как организационно-технологической модели. Таким образом, появление индивида возможно только в деструктурированной среде. По мнению авторов, решение этой проблемы заключается в проекте креативности, предполагающей, что индивидуальность может развиваться в контексте нового социального порядка, предоставляющего определенные ресурсы и возможности.

Уважаемые авторы обращают внимание на то, что социальная анархия и социальный нигилизм 90-х годов XX в. безнадежно скомпрометировал идею формирования слоя собственников и предпринимателей как субъектов социального развития, как локомотива исторических изменений. Номеклатурная приватизация определила становление социальной структуры в рамках “узаконенного” беззакония, группы составившие ядро новых классов, были плотью от плоти предшествующего периода, так и новые собственники из бывшей номенклатуры, и подпольные предприниматели не имели навыков легитимной экономической деятельности и были ориентированы на использование общественных ресурсов в групповых и личных целях. Реализация “сращения” власти с собственностью и якобы постоянным давлением государства на деловое сообщество, терпит крах, нельзя поддерживать доминирование класса “рыночников”.

Авторы верно подмечают, что средний класс формируется как идеологический, а не как социально-аналитический конструкт. А социальная поляризация в обществе, как оказалось, значительно ограничивала курс на формирование среднего класса, так как в общественное сознание, как уже говорилось выше, усиленно внедрялись и продолжают внедряться идеи роскоши, демонстративного потребления, “гламурной жизни”, легких доходов, протеворечащие традиционной модернизационной этике. Характерно, что в отличие от “зарубежного” среднего класса, представители, имеющие высокий образовательный и профессиональный капитал, составляют меньшинство и не определяют его социальный облик. Возникает парадокс, что чем больше демонстрировались успехи среднего класса, тем более усиливался негативизм по отношению к

инновационным практикам и готовность пожертвовать социальной самостоятельностью ради материального благополучия. Тем самым произошло беспрецедентное распределение ресурсов в пользу олигархического слоя. Кроме того необходимо отметить, что для среднего класса весьма характерно зависимость от государства и олигархического капитала продиктованная узкогрупповым эгоизмом и безразличием к общественно значимым целям и идеалам.

Выходом из создавшейся ситуации авторам видится в “познании” **креативного класса**, но без противопоставления его среднему классу как идеологическому конструкту. Что же из себя представляет креативный класс? Креативный класс является воплощением единства интеллекта и деятельности, реализации с одной стороны личностных ресурсов, а с другой – коллективных инновационных практик, выявления реальных точек социального роста, сопряженных с приоритетами достойной жизни.

Социально креативный класс консолидируется на основе освоения новых форм социального творчества, стремится к формированию новых социальных и социально-профессиональных ниш. Однако с нарастающей угрозой глобалистического колониализма, постепенным исчезновением в обществе культуры социального общения, сегментацией социальных норм и ценностей, креативно ориентированные индивиды сильно подвержены миграции, кроме того они склонны ограничиваться виртуальной активностью в интернет-пространстве и затрачивать ресурсы на поддержание всего-лишь приватного мира.

Необходимо учесть, что креативный класс с одной стороны должен быть классом людей обеспеченных достойной работой не рассматривающих ее как бремя, ощущающих себя в достаточной степени, автономными, даже “эксперты-интеллектуалы” обречены лишь на горизонтальную мобильность и часто их знания используются одноразово. С другой стороны креативный класс не может быть классом людей, обладающих сверхдоходами, извлекающих монопольную ренту из обладания властными, политическими или экономическими ресурсами.

Критерием отнесения индивида к креативному классу является определенный уровень концентрации творческих социальных признаков.

Во второй главе, авторы, детально рассмотрев историческую специфику формирования доверия в России и ее трансформации за последнее столетие, приходят к выводу, что у рус-

ского народа была общинная система мировоззрения, которая и стала основанием для системы ценностей русского народа, в которой базовыми нравственными ценностями стали соборность, жертвенность, коллективизм, справедливость и др. Здесь доверие олицетворяла личность возглавляющая общину, отсюда и пошла традиция персонифицированного доверия при незначимости доверия к той структуре, которую эта личность возглавляет. В известной степени “комплекс персонификации” развит и в нашей среде. Смена социально-политических формаций естественно задела, но не смогли полностью уничтожить социокультурный код как российского, так и армянского обществ. Однако, со сменой формаций возникла серьезная проблема раскола общества на “традиционалистов” и “модернистов”, а так же на тех, кто не смог определиться в своих мировоззренческих установках (последних авторы определяют как смешанный тип, воплощающий в себе коллективистские и индивидуалистические, т.е. модернистские ценности). Следует отметить, что индивидуалистические ценности являются базовыми для западной культуры. Появление в социокультурной среде новой категории ценностей вызвало ситуацию ценностного противостояния, что послужило основой кризиса доверия в расколовшемся социуме.

Последствия, вызванные неудачными реформами, сформировали всеобщее недоверие к власти (авторы подразумевают именно институт власти), таким образом, процесс трансформации доверия в связи со сменой формаций, по причине разрушения традиционного доверия, пошел по пути разрушения еще не созданного. Разрушено оказалось не само доверие, а его потенциальная сущность – “**кредит доверия**”.

Авторы метко замечают, что существуют две взаимообусловленные ценности, это *доверие* и *патриотизм*, из чего напрашиваются далеко идущие соответствующие выводы. Это хорошо видно при сравнении катастрофически низкого уровня патриотизма (преимущественно среди молодежи) и столь же низкого уровня доверия в обществе. А патриотизм просто не может основываться на недоверии.

Оценивая динамику доверия в российском обществе в постсоветский период и рассматривая основные тенденции, авторы естественно, использовали различные статистические выборки, преподнося их в виде таблиц и диаграмм. Далее, детально рассмотрено возникновение и современное состояние креативного класса в российском обществе.

В третьей главе для выявления путей решения консолидации общества, авторы, при рассмотрении основных институтов в системе обеспечения духовной консолидации, соглашаются с мнением В. И. Добренькова. А именно в том, что в результате негативных процессов в пореформенной России резко ухудшилось духовное состояние общества, произошла колоссальная нравственно-психологическая деградация населения, что проявилось в эрозии трудовой этики, в демографической катастрофе и росте многочисленных форм социального варварства – наркомании, алкоголизме, бездомности, детской беспризорности, проституции, невиданном росте преступности и т.д.

Среди прочего, авторов, особенно беспокоит система образования. Ведь специфика образования как социального института определяется тем, что оно, с одной стороны, влияет на развитие общества, а с другой – само испытывает воздействие со стороны последнего. В этой связи часто поднимается проблема образования и социального неравенства, так как последнее воспроизводится именно через образовательные каналы.

Уважительное отношение к образованию, к духовности в России, а тем более в армянской среде, всегда было очень высоким, значимым, и тем более печально наблюдать сегодня девальвацию ценности образования и самой системы образования в целом. В связи с этим уместно вспомнить по две картинки Реального училища и женской гимназии в городе Шуши начала прошлого века и нынешнего состояния. Непродуманная политика государства в образовательной сфере разрушила ту систему образования, которая может служить по ряду показателей образцом для тех стран, которые мы пытаемся догнать, заключают авторы. Сегодняшнее образование стало подвержено тем же процессам массовизации, которые затронули сферу искусства, что привело к духовному кризису, который воспроизводится на уровне образования. А институт образования, по убеждению авторов, выступает источником производства и воспроизводства социальных рисков, угрожающих разрушением цивилизационной и государственной целостности страны.

На фоне традиционных агентов социализации, призванных обеспечить эффективную интеграцию личности в общество, наблюдается подмена агента, которыми выступают интернет и СМИ. Опасность данного агента воздействия на массовое сознание и поведение, заключается, кроме прочего, в их неограниченности и бес-

контрольности. Влияние упомянутых агентов настолько всеильно, что оградиться от них практически невозможно.

Авторы обращают внимание на одну из серьезнейших проблем современного мира заключенной в искусственном расколе на реальный и виртуальный миры, в которых царствуют принципиально разные ценности и нормы, стереотипы и манеры поведения, и наконец, в них различная этика общения. В виртуальном мире отсутствует возможность межпоколенческой культуры общения. В нем происходит замыкание групп общения в некие возрастные рамки, дифференцируя группы по возрасту и интересам. Таким образом, происходит размежевание поколений, а консолидация общества предполагает некое единение поколений на основе социокультурного пространства и духовного капитала.

Отдельным пунктом, авторы рассматривают, весьма важный элемент – понятие *культуры доверия*, который содержится в культуре компромисса, лежащей в основании культуры безопасности. Под культурой доверия, авторы предлагают понимать часть общей культуры общества, в рамках которой социальные отношения между общественными субъектами выстраиваются на основе доверия как общепризнанной ценности, важного элемента общественной морали и механизма обеспечения общественной консолидации.

На примере постсоветских отношений России и Армении, авторы рассматривают понятие межгосударственного доверия, как фактора укрепления консолидированности российского общества. Благодаря тому, что один из авторов (Виктор Кривопусков), являлся руководителем представительства “Россотрудничества” в Ереване, наглядно показано, как именно следует укреплять и развивать взаимное доверие на высшем государственном уровне, будь то в ракурсе межличностных или межгрупповых отношений и коммуникативности. В этом плане, как представляется авторам, феномен межгосударственного доверия как фактор укрепления консолидированности российского общества – весьма деятельное оружие против разного рода дезинтеграционных идей и поветрий.

В заключение авторы считают, что доверие и креативность выступает основой формирования социальных связей, которые укрепляют общество и придают ему целостность, стабильность в рамках взаимного уважения и взаимопонимания. Только таким образом люди способны осознать единство своих интересов и целей, найти общий

путь развития и преодоления проблем и трудностей.

Концепция доверия имеет свои традиции и специфику в различных отраслях социально-гуманитарного знания. Значимость накопленного в других дисциплинах научного знания о феномене доверия неопределима, так как позволяет увидеть все многообразие этого сложного, социокультурного явления, совмещающего в себе моральные, экономические, культурные, политические аспекты, ценность которых для современного социума неоспорима.

В завершение, хотелось бы добавить, что в рамках статьи сложно передать весь спектр определений и рассуждений присутствующих в

книге о методах консолидации общества на основе доверия и креативного класса. Учитывая важность темы, мы настоятельно советуем заинтересованному читателю обратить внимание на данное издание. Кроме того, хотелось бы выказать благодарность Юрию Григорьевичу **Волкову** и Виктору Владимировичу **Кривоусову** за очень познавательную работу. Ведь в нашей действительности очень редко можно встретить исследование на подобную тему. Тему, которая касается непосредственно нас, нашего настоящего и будущего.

Гагик Гайкович Погосян (Хахбакян)

Памятка для авторов Правила оформления и представления статей

Журнал “Регион и мир” публикует статьи и обзоры по актуальным вопросам политики, экономики, обороны и безопасности, истории, религии и культуры. Периодичность издания 4 выпуска в год.

Статьи представляются в электронном виде, в текстовом редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом - Times New Roman, величиной фонта – 11, с межстрочным интервалом - 1,5. Объем статей не более 20-и страниц в формате А4, с полями в 2 см.

Графика, таблицы, схемы и рисунки должны быть включены в статью. Рисунки должны быть также представлены отдельными файлами в формате JPG или BMP и с разрешением до 300 dpi.

Выходные данные указываются в следующей последовательности: название статьи (выделенным шрифтом), инициалы и фамилия автора (ов), его (их) - ученой степени, звания и должности (если таковые имеются), а также учреждения (й), от которого (ых) поступила работа.

В конце статьи должен быть приведен раздел использованной библиографии, в котором литература приведена в алфавитном порядке на языке оригинала, с выделением автора, со шрифтом – 10. Например:

1. **Այսպիսով Վերջին Իսթ**, ժամանակագրություն: Օրար տրյունները Հայաստանի և հայերի մասին, հ. 15, Բյուզանդական տրյուններ, Ե: (Թարգմանություն բնագրից, առաջարկ և ծանոթագրություններ Հրաչ Բարթիկյանի): - Եր.: ՆՄՄ ՔԱ հրատ., 1990, 438 էջ: **Продолжатель Феофана**, Византийские источники об Армении и армянах, V. (Перевод с оригинала, предисловие и примечания Р. М. Бартикяна). - Ер.: изд. АН АрмССР, 1990, 438 с. (на арм. яз.).
2. **Липшиц Е. Э.**, Павликианское движение в Византии в VIII и в первой половине IX века. // “Византийский временник”, т. V, - М., 1952.
3. **Charanis. P.**, The Armenians in the Byzantine Empire. - Lisbon, 1963, Pp. 63. (на англ. яз.).
4. **Balci B., Motika R.**, Religion et Politique dans le Caucase post-sovietique, Paris, 2007. (на фр. яз.).

Подстрочные сноски приводятся шрифтом – 9.

Обязательно наличие резюме (на языке отличном от языка изложения статьи). Объем резюме не должен превышать половину страницы вышеуказанного формата.

В конце представленной статьи должны быть указаны контактные данные авторов. Редакция имеет право рецензировать и редактировать статьи. Не допускается представление статей, опубликованных ранее или направленных в другие печатные издания.